

Red Metropolis. Socialism and the Government of London

OWEN HATHERLEY

London: Repeater, 2020. – 266 p.

*Кирилл Рафаилович
Кобрин (р. 1964) –
историк, литератор,
шеф-редактор журнала
«Неприкосновенный за-
пас», автор (и соавтор)
более двадцати книг.*

«**Д**ля тех из нас, кто работал в County Hall¹ с первых дней лейбористской администрации, одним из наиболее поражающих изменений стало то, каких людей можно было встретить теперь в его коридорах. Чиновников из других ведомств и высокопоставленных лиц постепенно стали сменять лондонцы из самых разных групп населения: от панков и растаманов до бангладешских пенсионеров – причем никто из них не смущался величием этого места и вел себя так, будто оно принадлежало именно им. Во время Июльского фестиваля 1984 года эти изменения в County Hall достигли наивысшей точки. Целый день в здании буквально роились юные панки, скинхеды, растафарианцы и другие лондонцы. Они обосновались на главной лестнице (ранее использовавшейся только для вип-персон), в отделанных деревом коридорах Главного этажа. Зал заседаний городского совета использовался для непрерывных дискуссий о судьбе Совета Большого Лондона, причем в какой-то момент слово предоставили Анне Скаржилл² и организации “Жены шахтеров”. Атмосфера была довольно необычная – стены County Hall ранее не выдвали ничего подобного».

Эту цитату из сочинения Морин Макинтош и Хилари Уэйнрайт можно обнаружить на страницах 120–121 новой (но не самой последней на момент написания рецензии) книги Оуэна Хэзерли «Красный метрополис. Социализм и управление Лондоном». Книга посвящена отчасти скрытому до сего дня сюжету, самим автором названному «красным метрополисом» – истории того, как левые, преимущественно социалисты, участвовали в работе органов местного самоуправления огромного города, который со стороны очень сложно назвать «красным». Действительно, в зависимости от точки наблюдения Лондон представляется городом то архибуржуазным, то свехартистическим или даже просто хаотическим нагромождением самых

1 Адекватного – столь же кратко – русского перевода County Hall на русский нет. Назовем это «зданием лондонского горсовета».

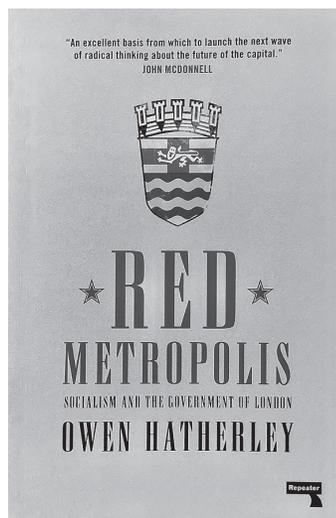
2 Британская левая профсоюзная активистка, организатор многочисленных протестов против закрытия шахт правительством Маргарет Тэтчер в 1980-е и антивоенного женского лагеря в Гринэм Коммон. Жена профсоюзного лидера Артура Скаржилла, в 1982–2002 годах президента Национального союза шахтеров.

разных районов, по сути, небольших и больших городов, слабо между собой связанных. Последнее, пожалуй, будет наиболее близким к истине; неупорядоченность, разнообразие, порой даже слишком пестрое, – таковы главные характеристики этой столицы бывшей империи, которая стала одним из финансовых центров мира – и одновременно одним из самых неудобных для жизни, дорогих, но странно привлекательных мест. Тем не менее за подобным вроде бы беспорядком стоит не просто история, вполне упорядоченная и поддающаяся рационализации, но механизмы управления городом и довольно жесткие рамки, не допускающие превращения плодотворной до известного предела хаотичности лондонской жизни в хаос настоящий, разрушительный, чреватый деградацией и упадком. О деградации (и даже упадке) Лондона говорят уже довольно давно, с 1930-х, но в каждый период кризиса метрополис умудрялся переродиться, переизобрести себя на новых основаниях, не теряя – по крайней мере видимости – приверженности старым устоям и обычаям. Огромную роль в ключевых для Лондона сменах парадигм играли местные власти – и, как демонстрирует Оуэн Хэзерли в своей книге, прежде всего социалисты самого разного толка, которые управляли городом немалую часть его истории прошлого и начала нынешнего века.

Тут следует уточнить, что имеется в виду под словом «управляли». Лондон никогда не был похож на другие европейские столицы с их мэрами, централизованной администрацией, городской бюрократией, выстроенной в иерархическом порядке. Лишь в последние двадцать лет там появилась должность мэра – и, несмотря на медийную шумиху и политические баталии, сопровождающие деятельность первых трех на данный момент лондонских мэров (Кена Ливингстона, Бориса Джонсона и Садика Хана), реальной власти эта позиция предполагает совсем немного. Кое-какие вопросы, связанные с деятельностью полиции, транспортом, городским благоустройством (совсем немного) плюс представительские функции и организация пиар-деятельности для привлечения инвестиций – вот, пожалуй, и все или почти все. Тем не менее «мэр Лондона» стал одной из наиболее важных фигур в британской политике; для Ливингстона эта должность стала концом политической карьеры, для Джонсона – трамплином к премьерству.

Более того, местные выборы в столице всегда – и особенно в последнее время – демонстрируют пропасть, отделяющую ее от остальной страны, особенно Англии. Лондон – космополитический мегаполис, в котором преобладают леволиберальные настроения. Оттого британские правые презирают столицу, обвиняя «элиту метрополии» в полном отрыве от нужд и чаяний простого английского человека (валлийцев и шотланд-

КИРИЛЛ КОБРИН
СОЦИАЛИЗМ В ГОРОДЕ

цев, не говоря уже о североирландцах, в ксенофобской консервативной прессе за «простых людей» не считают – первые и вторые голосуют за лейбористов и местных националистов, а последние и вовсе не присутствуют в сознании журналиста какой-нибудь «Daily Telegraph»). Собственно, уже лет пятнадцать идет настоящая «культурная война» правой (как пристойной, так и таблоидной) прессы против Лондона – война, нашедшая кулинарное воплощение в схватке между хипстерским тостом с авокадо (запивать непременно тыквенным латте с веганским молоком) и народным *fish & chips* или барбекю (все это в сопровождении неизменной пинты местного эля). К реальности Лондона это противостояние отношения почти не имеет, метрополию населяют не хипстеры, а в основном обычные люди, которые считают каждый пенс, оставшийся после выплат по грабительским ипотекам или заоблачным рентам за съем жилья. Тут не до мятого вилок авокадо на тосте из экологически ответственной булочной.

Тем не менее эта сочиненная правой прессой реальность, как и реальность любой иной «культурной войны», развязанной для достижения вполне конкретных целей, формирует представления, которые укладываются в идеологические рамки и политические предпочтения, после чего, в условиях демократического устройства, приводят к важнейшим решениям, меняющим судьбы миллионов людей. Яркий пример тому – Брекзит. Правые националисты выиграли эту кампанию исключительно благодаря упомянутой выше «культурной войне», разыграв карту «простой английский патриот *versus* изнеженный лондонский космополит». Понятное дело, что в результате пострадали и те и другие, причем первые гораздо сильнее: Брекзит нанес тяжелейший удар по британскому сельскому хозяйству, сфере услуг, торговле, производству. Однако реальность реальной жизни и реальность идеологическая – вещи разные. В любом случае, Лондон голосовал против Брекзита и от Брекзита проиграл очень сильно; причем не только Лондон рабочий, многонациональный, артистический, но и Лондон финансовый: Сити недосчиталось семи тысяч рабочих мест. Как это скажется на будущем метрополиса, сказать еще сложно; но то, как Лондон стал тем, чем он является сейчас – и какую роль в этом сыграли британские лейбористы и прочие социалисты, включая даже коммунистов, – этот сюжет постепенно проясняется. Книга Оуэна Хэзерли сильно тому способствует.

Перед нами не монументальное исследование, а краткий очерк истории «красного метрополиса». Книг об истории лондонского местного само- и просто управления написано немало, но вот сложить это в одну картину, кажется, раньше в голову никому не приходило – по крайней мере развернуть данный

сюжет именно для социалистического Лондона. А он исключительно важен, поскольку и внешним своим видом, и внутренним устройством современный Лондон обязан левым (в самом широком смысле) гораздо больше, чем правым. Скажем, County Hall, где происходят удивительные события в сюжете, с которого открывается эта рецензия, – впечатляющее здание городской администрации, построенное в межвоенный период в обычно раздражающем, но в данном случае отчего-то вполне уместном стиле эдвардианского псевдобарокко. Каждый, кто бывал в Лондоне, помнит его – оно расположено на южном берегу Темзы, ровно напротив здания Парламента и Биг Бена, в начале нашего тысячелетия рядом пристроили монструозное колесо обозрения. Как явствует из его названия, County Hall возвели, чтобы он стал штаб-квартирой преобразованного и модернизированного в конце XIX века органа городского управления (точнее, органа координации самоуправлений городов/районов, образующих мегаполис) – London County Council (LCC, Совет графства Лондон), который с начала прошлого столетия контролировался чаще всего лейбористами и представителями других левых движений и групп и который чаще всего находился в конфликте с центральным правительством, по большей части консервативным. В середине 1960-х казалось, что победило правительство – парламентским актом LCC распустили, заменив на Greater London Council (GLC, Совет Большого Лондона), надеясь, что, включая в границы «большого города» множество пригородов и небольших окрестных городков с преимущественно мелкобуржуазным населением, можно будет избежать победы левых на местных выборах.

Расчет консерваторов сработал – но до известного хронологического предела; с началом 1980-х, в первый этап правления Тэтчер, лондонцы, возмущенные неоконсервативным курсом ее кабинета, передали власть в GLC левым, причем крайне левым, вроде Кена Ливингстона. «Красный Кен» стал председателем Совета; он последовательно и безжалостно реализовывал самую социалистическую повестку, причем в современном понимании социализма. Речь идет не только о строительстве доступного социального жилья, транспорте и прочем, но и о расовом, национальном и гендерном разнообразии как самой системы городской власти, так и проводимой ею политики. Именно при Ливингстоне Лондон стал действительно космополитным, «открытым» – на уровне повседневной жизни.

Интересно, что параллельно с этим архивраг Ливингстона, Маргарет Тэтчер, «достроила» переизобретающую себя метрополию другой разновидностью открытости – финансовой. Смягчение, а порой даже и полная отмена регулирования финансовых операций в Сити привели к тому, что туда устремились

деньги со всего мира – причем часто сомнительного происхождения. Свежеоткрывший себя Лондон привлекал иммигрантов из Юго-Восточной Азии и арабских стран возможностью найти работу и спокойную, далекую от крайних проявлений религиозной, расовой и социальной нетерпимости жизнь – и он привлекал деньги элит из тех же регионов, элит, далеко не толерантных и не демократических. В Сити эти деньги отмывались и начинали приносить спокойный уверенный доход, а внизу, у подножья рвущихся вверх небоскребов финансовых компаний и банков, в полукилометре от Сити, на Брик-лейн и в Тауэр Хамлетс, обживались бежавшие с родины от этих новых заморских инвесторов бангладешцы, ливанцы, иракцы. Об удивительной одновременности, казалось бы, противоположных процессов стоит в будущем поговорить подробнее, причем не только на британском материале. Пока же отметим, что связь между ними очень прочная, несмотря на кажущуюся полярность.

В 1986 году правительство опять победило в схватке с лондонским управлением – GCL распустили. Способствовали тому и сами действия Ливингстона и его соратников – в частности, помянутый выше Июльский фестиваль 1984 года. Но не только. На фасаде County Hall периодически вывешивали разные оппозиционные радикальные билборды – так, чтобы их было видно из окон находящегося через реку парламента. В свою очередь правительство Тэтчер смогло привлечь симпатии немалого количества лондонцев, создав схему, согласно которой жильцы социальных квартир могли выкупить их за относительно небольшие деньги. Это сократило социальную базу левых, создало новый класс владельцев недвижимости в городе, где люди чаще всего обитали (и обитают) в не принадлежавших им жилищах. Плюс к этому консервативное правительство развязало настоящую войну против левых и профсоюзов – жестоко подавляло стачки и протесты на севере страны (особенно шахтерские), пыталось уничтожить саму инфраструктуру своих политических соперников, важнейшей частью которой был Совет Большого Лондона. Наконец, одержимость децентрализацией, характерная для тэтчеризма, взявшего за образец Америку 1920-х и 1950-х, была применена и к Лондону – после роспуска GCL серьезного координирующего органа городской власти в столице просто не осталось. Лишь десять лет спустя «новые лейбористы» Тони Блэра, получив большинство в парламенте, стали создавать новую структуру управления городом.

Что же до County Hall, то после ухода оттуда городской администрации и совета зданию, как водится в реальности неолиберальных затей, сильно не повезло. Его продали японскому инвестору, он на какое-то время пустил туда очень крупнобуржуазную частную галерею современного искусства

Чарльза Саатчи, потом Саатчи поссорился с владельцем здания и переехал на другой берег Темзы, одно крыло здания разрушили, чтобы построить невыразительный отель, другое приходит в упадок. В основной же части – «Аквариум морской жизни» и иные развлечения для детей, которым предлагают еще раз насладиться похождениями Шрека, плюс еще какие-то увеселения. Кое-где можно встретить офисы компаний, арендовавших в County Hall помещения. Рядом – очередь туристов на колесо обозрения. Ничто не напоминает о трудах и днях тысяч людей, сформировавших Лондон таким, какой он есть.

Хэзерли избежал соблазна сделать историю County Hall сюжетопорождающим стержнем своей книги – и в этом ее отличие от некоторых предыдущих сочинений этого автора. В первых принесших ему известность вещах – «A Guide to the New Ruins of Great Britain» и «A New Kind of Bleak»³ – Хэзерли предлагал очерк нынешнего состояния британских городов, и именно *из современности он ретроспективно проводил линии* исторического свойства, которые обнажали механизмы формирования и функционирования жизни не только урбанистической, но и общественно-политической, как на местном, так и в основном на общебританском уровне. Для решения подобной задачи как раз необходимо использовать историю и современное состояние того или иного здания (а Хэзерли – интереснейший архитектурный критик) или городского пространства. Получилась своего рода история Великобритании последних ста с лишним лет, данная через очерки о разных ее городах.

В «Красном метрополисе» – все наоборот; автор реконструирует – в основных чертах – историю участия социалистов в управлении и самоуправлении Лондона, и тем самым возникает картина нынешнего города, *ставшего результатом этой истории*. При таком подходе в центре внимания – люди, их действия и идеи, которые определяли и определяют эти действия, а не здания и городские районы, хотя, конечно, Хэзерли немало о них пишет. Среди его героев Джон Макдоннелл – один из лидеров нынешних левых лейбористов, еще относительно недавно министр финансов в теневом правительстве Джереми Корбина, сорок лет назад бывший заместителем «Красного Кена» в Совете Большого Лондона. Высказывание Макдоннелла украшает обложку книги Хэзерли: «Превосходная основа для следующей волны радикального переосмысления будущего столицы». Автор выбрал для обложки именно эту цитату не-

3 HATHERLEY O. *A Guide to the New Ruins of Great Britain*. London; New York: Verso, 2010; IDEM. *A New Kind of Bleak*. London; New York: Verso, 2012. Отрывок из введения ко второй из них был опубликован в «НЗ»: ХЭЗЕРЛИ О. *Будут ли строить и дальше в темные времена?* // Неприкосновенный запас. 2013. № 3(89) (www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/89_nz_3_2013/article/10508/).

спроста – тем самым он подчеркивает политический контекст своей книги и собственные идеологические симпатии; Хэзерли – сторонник левого, радикального социалистического лейборизма, который символизирует Джереми Корбин (тоже работал в Большом Совете Лондона при Кене Ливингстоне) и его сподвижник Макдоннелл. Эта книга не просто написана с социалистических позиций; ее сверхзадача – показать, что при господстве буржуазных идеологий и политических партий социалисты (и даже коммунисты) в рамках демократического устройства могут сделать очень многое, особенно на уровне администраций городов. В наши времена торжества правого популизма стоит рассказать о прошлых достижениях и начать думать о будущем.

Книга состоит из предисловия, введения и четырех глав, последняя из которых, как водится в литературе такого рода, пытается ответить на вопрос «Что делать?». «Красный метрополис» написан во время пандемии, когда автор оказался заперт в стенах своей съемной квартиры в Южном Лондоне, в доме, некогда построенном в рамках программы LCC. Изначально это было большое эссе, заказанное журналом «New Left Review»; под карантинным «домашним арестом» оно разрасталось и разрасталось, пока не превратилось в 266-гистраничное издание, немалую часть которого, впрочем, составляют фотографии и библиографические сноски.

Об иллюстрациях стóит отдельно сказать несколько слов. Уже в первых своих книгах Хэзерли обильно использует снимки домов, кварталов и городских районов, о которых пишет, – это любительские фото, черно-белые, будничные, невыразительные, почти случайные. Как мне кажется, они ведут свое происхождение не только из блога Хэзерли, который он вел в 2000-е и тексты из которого составили «A Guide to the New Ruins of Great Britain» и «A New Kind of Bleak». Здесь прослеживается и другая линия, ставшая в последнее время модной. Я имею в виду издания прозы Винфрида Зебальда, которые сопровождаются намеренно «никакими» снимками. Они играют огромную роль в создании глубочайшего и беспросветнейшего состояния меланхолии, закончившегося настоящего, истории, обещавшей будущее, но обещания обманувшей. Остался только печальный, почти бесстрастный голос рассказчика, который пешком передвигается по Восточной Англии, вспоминает, замечает вроде бы мелочи, обильно снабжая речь экскурсами в почти забытую историю (и окончательно забытые персональные истории). Зебальдовская меланхолия оказалась столь убедительной, будучи обратной стороной бодрых, агрессивно красочных 1990-х, закончившихся сменой парадигмы после 9/11, что полуслепые черно-белые фото в духе «Колец Сатур-

на», «Эмигрантов», «Аустерлица», «Головокружения» стали фирменным знаком многих изданий англоязычной некоммерческой прозы, эссеистики и даже публицистики – вплоть до сегодняшнего дня.

Хэзерли, думаю, связь с этой традицией (а теперь модой) отверг бы, так как довольно скептичен в отношении зебальдианства и вообще разговоров о меланхолии, ставшей результатом несостоявшихся будущих высокой модерности⁴. С точки зрения воинствующего социалиста и модерниста⁵, меланхолия – занятие недостойное, даже вредное, но тут с Хэзерли согласиться сложно. Из «сожаления о нереализовавшейся, как хотелось бы, модерности» как раз и может родиться ответственность борьбы за «продолжение модерности», ее обновление, развитие «в нужную сторону». В конце концов, идея прогресса, явившаяся в эпоху Просвещения, но примененная к строительству новой жизни уже романтизмом, имела обратную сторону в меланхолии, ностальгии и культурном ривайвализме того же романтизма.

Буржуазный прогресс середины позапрошлого века породил в самой прогрессивной буржуазной стране Европы, Великобритании, прерафаэлитов, неоготику, движение «Искусств и ремесел» (*Arts and Crafts*), которое стало одним из мест рождения английского социализма. Основатель движения, Уильям Моррис, выдающийся художник, поэт и дизайнер-ривайвалист, был отцом и британской Социалистической лиги, участвовал в создании Второго Интернационала, дружил с Петром Кропоткиным. Он пытался создать новый тип производства, основанного на ручном труде, отказе от эксплуатации и, в отличие от других утопистов, преуспел в этом – моррисовская дизайнерская фирма стала одной из самых успешных и влиятельных в стране. Его – как и некоторых других участников «Искусств и ремесел» – идеи и практическая деятельность сильно повлияли на образованную в 1900 году британскую Лейбористскую партию и на политику лейбористов в органах местного управления/самоуправления Лондона. С самого начала британский социализм – как идея, как практика – был теснейшим образом связан с областью эстетического; будучи отчасти порождением эпохи позднего романтизма, он сильно (хотя и скрывает это) зависит от идеи панэстетизма, которая в сознании Морриса и его сподвижников являлась одновременно и идеей

4 Здесь он решительно расходится с Марком Фишером, который в 2000-е был для него во многом примером и – в какой-то мере – учителем. См. эссе Хэзерли о посмертном издании коллекции текстов из фишеровского блога «k-Punk»: Хэзерли О. *От скучной дистопии к кислотному коммунизму* // Неприкосновенный запас. 2019. № 1(123). С. 211–249. Книга Марка Фишера «Призраки моей жизни» издана «Новым литературным обозрением» в 2021 году.

5 См. первую книгу Хэзерли: HATHERLEY O. *Militant Modernism*. London: Zero Books, 2009.

всеобщей социальной справедливости. Карл Маркс заклеил бы такой социализм «феодалным» или «консервативным», объявив его противником социализма истинного, коммунистического, однако в той стране, в которой он провел вторую половину жизни, актуальным – и работающим – оказалась именно эта разновидность. Не зря же в июле 1984 года в социалистический County Hall пришли представители субкультур: панки, растаманы, даже скинхеды – а ведь любая субкультура стоит на принципе прежде всего формального единообразия и, в конце концов, эстетического единства. Образ жизни «красного метрополиса» прежде всего *эстетически* отличается от повседневности других городов Великобритании и континента – в этом привлекательность Лондона, несмотря на все его неудобство и дороговизну. Наконец, у британского социализма есть свой эстетический маркер, сразу узнаваемый, – это бруталистская архитектура южного берега Темзы, Барбикана и так далее.

Образ жизни «красного метрополиса» прежде всего эстетически отличается от повседневности других городов Великобритании и континента – в этом привлекательность Лондона, несмотря на все его неудобство и дороговизну.

Оуэн Хэзерли принадлежит к этой политической и социокультурной традиции, ведущей свое происхождение от романтизма. Именно он был одним из первых, кто открыл заново не только брутализм (в этом участвовали многие другие), но и как бы неприятную социальную, муниципальную архитектуру 1950–1970-х, на которую уж точно было принято (да и сейчас принято) смотреть свысока. Его любовь к британским аналогам советских многоэтажек и хрущевок сродни тому, как ранние романтики любили готические руины, считавшиеся в XVIII веке воплощением уродства. Промышленная и финансовая буржуазия середины – второй половины XIX столетия превратила романтическую реабилитацию готики в один из городских архитектурных мейнстримов; таким образом этот новый класс как бы легитимировал себя, укореняясь в истории, причем в «чужой истории», в той, в которой он еще – в его современном виде – не существовал. Это была стратегия «присвоения» не своего прошлого; точно так же сегодня, в эпоху позднего капитализма, неолиберальное общество присваивает социалистическую бруталистскую архитектуру, сделав ее модной. Хэзерли, много писавший о брутализме в первых своих

книгах, сейчас, во времена, когда на кофейных столиках в при- емных адвокатов, зубных врачей или в гостиничных лобби можно найти роскошные альбомы, посвященные этому стилю, больше говорит о другого рода зданиях – тех, что еще не были апроприированы буржуазной культурой. Здесь он тоже романтик по сути – и в каком-то смысле эстет.

Ковидный карантин породил обсуждаемое здесь произведе- ние именно как книгу, и он же стал исключительно удачной точкой для реконструкции истории «красного метрополиса». В эпидемию Лондон опустел и встал; из окна Хэзерли мог ви- деть только общий для жильцов его дома садик, да вдалеке – самый высокий небоскреб Европы «Осколок» («Shard»), по- строенный лет десять назад возле вокзала «London Bridge». «Осколок» возвели при Борисе Джонсоне, однако сам принцип, согласно которому частный девелопер должен либо передать муниципалитету какое-то количество квартир для социальных жильцов, либо обустроить прилегающую общественную тер- риторию, был сформулирован и введен в жизнь «Красным Ке- ном» во времена GLC.

«Осколок» принадлежит катарской компании; прилегающий к нему вокзал действительно был перестроен и стал менее неудобным, нежели был до того; цена недвижимости вокруг «London Bridge» выросла до еще более заоблачной. Социаль- ного жилья в этом районе все меньше, Южный берег стреми- тельно джентрифицируется начиная с некогда забудыжного и мрачного района Бермондси. Процесс трансформации пошел здесь классическим путем: сначала тут обосновалась артис- тическая тусовка, потом открылось местное отделение галереи «White Cube» (и закрылось – в 2015-м – в стопроцентно джентрифицированном районе Хокстон на Северном берегу), появились хипстерские кафе⁶ и «ремесленные магазины» (*artisan shops*). Потом сюда принялись переезжать представи- тели социальной группы, некогда названной в Париже «бобо» (*bohème bourgeois*), а затем и просто работники Сити: из Бер- мондси до офиса можно идти пешком или очень быстро до- ехать на велосипеде как раз через мост на той стороне реки.

Как мы видим, Лондон трансформируется совместными уси- лиями тех, кто слева, и тех, кто справа, представителями клас- сов совершенно противоположных и, согласно марксистской логике, антагонистических. Соответственно, у «красного мет- рополиса» есть двойник – если не «белый», то уж точно «зо-

6 Название одного из них, «Fuckoffee», призвано умеренно будоражить прохожих, но, кажется, этого не про- исходит. То ли потому, что вокруг немало других, столь же неоправданно дорогих кофеен, то ли из-за того, что расположенный ровно напротив «White Cube» выставляет искусство, рассчитанное на примерно такой же эффект: слегка удивить, чуть-чуть шокировать – в рамках, конечно, – чтобы было о чем вечером по- болтать с приятелями за третьей порцией джина с тоником.

лотой». История Лондона в прошлом и начале нынешнего века – сюжет инициативы и борьбы «красного», плоды которых присваивает «золотой»; неудивительно для города, бойко продающего туристам майки с «God Save the Queen» «Sex Pistols». Создательница панк-моды, дизайнер Вивьен Вествуд пятьдесят лет прожила в скромной социальной (потом – эконо-социальной, так как выкупила ее по тэтчеровской схеме) квартире района Клапем на юго-западе Лондона. Это любопытная деталь того же самого сюжета.

Предисловие к «Красному метрополису» называется «Лондон в лимбе» (то есть не в аду, не в раю – в промежуточном состоянии) и начинается с рассказа, как автор встречал 2020 год в гостях в Бермондси – в бывшей социальной квартире на последнем этаже бывшего социального дома, откуда открывался отличный вид на «Осколок». Последний допандемийный Новый год. Следующие полтора года Хэзерли практически не покидал своей съемной квартиры, откуда «Осколок» тоже виден.

Лондон трансформируется совместными усилиями тех, кто слева, и тех, кто справа, представителями классов совершенно противоположных и, согласно марксистской логике, антагонистических.

В недавнем (пока неопубликованном⁷) эссе он, однако, пишет не о небоскребе, а о скромном садике под своим балконом. Дом построен местным советом еще в 1930-е; соответственно, зеленый участок был общим для всех жильцов. Ничего особенного – кустики, газон, несколько деревьев, протоптали тропинки, ограждено забором. Когда-то это было место общего пользования, и там происходила нехитрая коммунальная жизнь обитателей дома. Затем, в тэтчеровские времена, жильцы выкупили значительную часть квартир, большинство от них потом избавились, а список новых владельцев пополнился людьми из других районов и других городов. Сейчас в доме живут практически только арендаторы – вроде самого Хэзерли. Садик стал ненужным, так как не понятно, кому он теперь принадлежит, кто и что имеет право там делать. Оживила его, как ни странно, пандемия; жильцы, лишённые возможности перемещаться по городу, стали использовать пространство под окнами их квартир: нехитрая коммунальная жизнь вернулась в самых непритязательных формах – от сушки белья на веревочках до барбекю или утренних занятий йогой на траве.

⁷ Предисловие к фотокниге Анастасии Цайдер «Аркадия», которая готовится к публикации в рижском издательстве «Орбита».

В сущности, это еще одна символическая история – о том, что происходит с наследием «красного метрополиса» в начале 2020-х годов. Материальные плоды социалистического мышления, присвоенные поздним капитализмом, вдруг в ситуации кризиса вновь обретают свой социалистический смысл. Последняя глава «Красного метрополиса» – та, которая о «Что делать?», – об этом. Впрочем, о судьбе садика при своем доме Хэзерли пишет в другом тексте – предисловии к альбому фотографий заросшей буйной растительностью советской застройки нынешних российских городов. Книга (и арт-проект) фотографа Анастасии Цайдер называется «Аркадия»; красный урбанизм Хэзерли и его соратников по воинствующему модернизму можно назвать «челночным»: он неустанно передвигается между «et in Arcadia ego» (в обоих смыслах этого латинского изречения) и «Что делать?». Такова нынешняя судьба не только левого урбанизма, но левой мысли и левого движения как таковых.

Из четырех глав книги три – исторические. Название первой, «Building the Tories out of London», сложно точно перевести на русский, получается что-то вроде «Выстроим тори из Лондона». Имеется в виду не задача поставить в строй всех консерваторов, живущих в британской столице, как может показаться из многозначности русского слова «выстроить». Речь идет о стратегии лондонских лейбористов, которые с помощью своей последовательной урбанистической политики (социальная застройка, создание общественных пространств, развитие доступной транспортной системы, реформа местных школ и прочее) хотели сделать город «своим» политически, трансформировать его так, чтобы в нем отныне и навсегда голосовали за них. Собственно, глядя ретроспективно, можно сказать, что левые в этом преуспели. Хронологические рамки первой главы – 75 лет существования и работы ЛСС (1889–1964). Там множество интересных сюжетов: и смены направления общей политики левых, когда они возглавляли Совет, и соотношение генеральной линии ЛСС с деятельностью районных советов, и некоторые удивительные архитектурные решения в социальной застройке. Но это для тех, кто, так сказать, глубоко в теме. Для неспециалиста в истории Лондона наиболее важно политическое измерение этих 75 лет. Перед нами разворачивается история британского социализма, выросшего из совершенно разных корней: Уильям Моррис соседствует с бюрократической разновидностью левой политики, которая базируется на христианской (протестантской) идее справедливости, в том числе и социальной.

Глава открывается с пространной цитаты из статьи Морриса «Отчет о развитии и условиях английского социализма» (1899),

где он призывает левых сосредоточить все усилия на местной политике, а не на попытках проникнуть в парламент; по его мнению, британский парламент всегда будет реакционным. Поле беспешной, обстоятельной, никогда не прекращающейся битвы за английский социализм – Лондон. Один из главных – быть может, главный – герой этой битвы и первой главы Герберт Моррисон (1888–1965), наверное, вторая по важности фигура в истории британского лейборизма прошлого столетия. Моррисон был министром в разных правительствах, в том числе и в межпартийном «военном кабинете» Уинстона Черчилля; именно он организовал триумфальную предвыборную кампанию своего товарища по партии Кремента Эттли в 1945-м. Но нас интересует его деятельность во главе ЛСС в 1930-е; никто из городских деятелей до Кена Ливингстона не повлиял настолько сильно на облик и жизнь Лондона. Социальная застройка, подземка, административные реформы, создание и благоустройство общественных пространств, приведение в порядок школ – все это Моррисон. И он же, Моррисон, был ксенофобом – и удивительно старомодным ханжой. Всего этого невозможно объяснить, если не понимать происхождения моррисоновской разновидности социализма – из сочетания пуританской убежденности в необходимости строго этического порядка и социальной справедливости с культом администрации и общественной и государственной службы. Моррисон был, наверное, идеальным бюрократом-социалистом. Что касается ханжества, то Хэзерли вспоминает такую историю. В 1937-м Моррисон инициировал программу строительства в Лондоне открытых общественных бассейнов, они называются «Lido». Сеть бассейнов существует до сих пор, многие работают. Однако тот же Моррисон настоял, чтобы бассейны закрывались с концом светового дня. На возражения, мол, как же тогда рабочие люди будут их посещать в будние дни, Моррисон ответил: «В темноте они там будут ... [*заниматься сексом!*]!». Герберт Моррисон умер в тот самый год, когда вместо распущенного правительством ЛСС появился GLC.

Периоду существования Совета Большого Лондона (1964–1986) до его уничтожения Тэтчер посвящена вторая глава книги – «Битвы за County Hall». Самое интересное здесь – история того самого радикально-левого Совета первой половины 1980-х, о котором речь шла выше. Именно в данный период на первую роль в формировании нового типа социалистического лондонского урбанизма выдвигается Кен Ливингстон, здесь же начинают свою карьеру Джон Макдоннелл и Джереми Корбин. Собственно, истоки нынешнего левого лейборизма (корбинизма), который на пару лет даже стал официальной идеологией и практической политикой партии, – здесь. Это уже не со-

циализм пуританского толка и не левый, в какой-то степени луддитский, ривайвализм Уильяма Морриса. Социализм новой, современной повестки, состоящей из комбинации давно известных этатистских черт (в британском случае – доведенного до предела кейнсианства) с появившимися в 1960–1970-е темами гендерного равноправия, мультикультурализма, антирасизма, защиты сексуальных меньшинств. В каком-то смысле вариант «Герберт Моррис плюс Анджела Дэвис». Несмотря на тактическое поражение, роспуск Совета Большого Лондона, эта повестка, в том виде, в котором ее продвигал в 1980-е Ливингстон, восторжествовала, став мейнстримом современной политической жизни Великобритании – и особенно Лондона. Но главный ее результат – сам Лондон, «открытый всем», многонациональный, ультралиберальный город, который усилиями уже консерваторов и умеренных лейбористов («новых лейбористов» времен Тони Блэра) исключительно успешно не просто продает этот имидж – он как бы из него, хотя бы виртуально, состоит.

Материальные плоды социалистического мышления, присвоенные поздним капитализмом, вдруг в ситуации кризиса вновь обретают свой социалистический смысл.

Этот сюжет присвоения «красного метрополиса» «золотым» продолжается в третьей главе с драматическим названием «Фауст в County Hall». Речь уже о нашем тысячелетии, когда у Лондона появился мэр. За двадцать лет их было три: Кен Ливингстон, Борис Джонсон и нынешний Садик Хан. Два лейбориста и один консерватор; при этом то немного, чем действительно может похвастаться Джонсон, есть присвоенные плоды проектов, задуманных и начатых Ливингстоном⁸. В роли Фауста – не клоун (как в последние годы выяснилось, опасный клоун) Джонсон и не исключительно осторожный и практичный Хан – Кен Ливингстон: только он обладал тайным знанием о преобразовании Лондона. Ливингстон – Фауст не столько гётевского типа, сколько шпенглеровского: рацио плюс воля плюс энергия. Персонально для Кена Ливингстона эта история кончилась поражением – прежде всего собственной партии; завершив активную карьеру, он занял совершен-

8 К примеру, революционная для тех времен схема аренды велосипедов, прокладка велодорожек, строительство надземки, но главное – продолжение ливингстоновской политики в отношении девелоперов: разрешение на застройку в обмен на некоторое количество социальных квартир и/или обустройство общественных пространств вокруг. Как утверждает Хэзерли, именно последнее привело к безумному буму недвижимости в городе, сняв большинство препятствий для коммерческой застройки.

но ему не подходящую роль резонера, комментатора городской, общebritанской и, увы, международной политики, что сильно подпортило его образ. Но дело Ливингстона жило – и в каком-то смысле живет; по крайней мере было живо до начала пандемии.

Наконец, будущее. Последняя глава книги Хэзерли называется «Будущие для лондонских левых»; хотя на самом деле лучше было бы перевести как «Варианты будущего для левого Лондона». Множественное число в обычно единственном «будущем» здесь ключевое. Как говорил лидер британской панк-группы «The Clash» Джо Страммер, «The Future is Unwritten». В последние несколько лет западные левые с энтузиазмом, сменившим былую меланхолию, занимаются если не поисками настоящего, подлинного, будущего, которое не предполагается нынешним «поздним капитализмом», то попытками это будущее сформулировать. В этой точке оборвалась жизнь Марка Фишера, он намеревался написать книгу о возможном коммунистическом будущем, но покончил с собой, оставив лишь набросок предисловия к ней⁹. Акселерационисты и многие другие продвигают свои будущие, вариантов становится все больше¹⁰.

Оуэн Хэзерли не очень любит теоретизировать, так что предпочитает не конструировать мыслительные объекты, а предлагать конкретные (ну, или, как ему кажется, конкретные) меры. В соответствующем разделе последней главы пять пунктов. В первом предлагается использовать опыт других метрополисов (Берлина, Барселоны, даже, как ни странно, Парижа) в проектировании и развитии социальной застройки, решении проблемы чистого воздуха и прочего. Второй пункт – о том, что следует остановить расползание самого Лондона, иначе станет невозможно решать насущные и стратегические проблемы сколь-нибудь централизованным образом. Третье – в условиях «деволюции власти», иными словами, усиления самоуправления определенных частей Соединенного Королевства (Уэльс, Северная Ирландия, прежде всего – Шотландия, которая

9 Фишер М. *Кислотный коммунизм (недописанное предисловие)* // Неприкосновенный запас. 2020. № 6(134). С. 13–35. Будущим – несостоявшимся и возможным – посвящен последний курс лекций Фишера в Голдсмитском колледже. Их посмертная публикация: FISHER M. *Postcapitalist Desire: The Final Lectures*. London: Repeater Books, 2021. Рецензии на нее: КОБРИН К. *Понедельников больше не будет. Последние лекции Марка Фишера* // Новое литературное обозрение. 2021. № 5(171). С. 343–348; СКОРОДУМОВ Д. *Последняя битва за похищенное будущее* // Неприкосновенный запас. 2021. № 4(138). С. 253–262.

10 См. например, нашумевшую книгу Ника Срничека и Алекса Уильямса «Изобретая будущее», а также «Капитал мертв» Маккензи Уорк: SRNICEK N., WILLIAMS A. *Inventing the Future. Postcapitalism and a World without Work*. London; New York: Verso, 2016 (рус. перев.: СРНИЧЕК Н., УИЛЬЯМС А. *Изобретая будущее. Капитализм и мир без труда*. М.: Strelka Press, 2019; об этой книге: НИКОЛАИ Ф. *Назад в будущее: контррегеменция и новый sensus communis* // Неприкосновенный запас. 2020. № 1(129). С. 153–160); WARK M. *Capital is Dead*. London; New York: Verso, 2019; рецензия на это сочинение: КОБРИН К. *Стало хуже, но есть надежда* // Неприкосновенный запас. 2020. № 4(132). С. 327–340.

и вовсе движется к независимости), Лондон должен получить больше власти и контроля над своими делами. На парламент в смысле левой повестки рассчитывать бессмысленно, что доказали выборы 2019 года: правые контролируют английскую провинцию, они раздули ксенофобию у населения разоренных ими же северных районов, их поддерживает самый мощный пропагандистский механизм страны – желтая пресса. Такую ситуацию быстро не изменишь – но что наверняка можно изменить: перераспределение власти в пользу если не «красного», то уж точно «розового» метрополиса. Четвертый пункт посвящен необходимости усиления представительного органа лондонского управления – Лондонской Ассамблеи, – иными словами, демократизации городской политики. В этом смысле не стоит опираться на опыт великого бюрократа Моррисона или «Фауста»-Ливингстона. Ну, и, наконец, последнее: не следует впадать в уныние – надо продолжать то, что лондонские левые делали почти 150 лет. «Красный метрополис» не памятник, а процесс, который следует сделать еще более интенсивным.

Пандемия еще не закончилась, но пандемийная гибернация завершается. Мир – и Лондон – просыпается. Следует засучить рукава и приняться за дело. *The Future is Unwritten.*

КИРИЛЛ КОБРИН
СОЦИАЛИЗМ В ГОРОДЕ